

ПРОЕКТ
«АНТИРОССИЯ»

**ОЛЕГ
ХЛОБУСТОВ**

**ДОКТРИНА
ДАЛЛЕСА**

В ДЕЙСТВИИ

Олег Максимович Хлобустов
Доктрина Даллеса в действии
Серия «Проект «АнтиРоссия»»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018128
Доктрина Даллеса в действии: Алгоритм; М.; 2012
ISBN 978-5-6995-4348-9

Аннотация

Олег Максимович Хлобустов – в прошлом офицер КГБ СССР, а ныне исследователь истории спецслужб – уже известен читателям получившими признание книгами «Российская госбезопасность от Александра I до Путина» и «Август 91-го. Где был КГБ?».

В своей новой книге О.М. Хлобустов рассказывает об операциях Центрального разведывательного управления США против Советского Союза, начиная от создания ЦРУ и заканчивая крахом горбачевской «перестройки». Главное внимание автор уделяет вопросу о том, какими методами и средствами воплощалась в жизнь «доктрина Даллеса», разработанная основателем ЦРУ

Как и предыдущие книги, новое исследование О.М. Хлобустова основано на эксклюзивном материале из архивов КГБ СССР и ЦК КПСС.

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	12
Часть 3	23
Часть 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олег Максимович Хлобустов

Доктрина Даллеса в действии

Часть 1

АЛЛЕН ДАЛЛЕС И ЕГО ДОКТРИНА

Закончилась Вторая мировая война. Союзники по антигитлеровской коалиции еще продолжали обсуждать вопросы послевоенного устройства Европы, а в США уже полным ходом разворачивается тайная война против СССР, которая с 1946 г. становится неотъемлемой частью «холодной войны».

Кто же стоял на передней линии этого невидимого фронта? Главным европейским резидентом американской внешнеполитической разведки – Управления стратегических служб (УСС) США – являлся Аллен Даллес, в апреле 1945 г. вместе со значительной частью своего разведывательного аппарата перебазировавшийся из швейцарского Цюриха в немецкий городок Гейдельберг в американской оккупационной зоне, надолго ставший главной штаб-квартирой американской разведки в Германии.

Именно он, будущий директор ЦРУ США, признанный авторитет в мире спецслужб, создавал американскую невоенную разведку в Германии.

Следует, однако, подчеркнуть, что до образования в конце 1941 г. УСС американская внешнеполитическая разведка, входившая в структуру Государственного департамента, была достаточно слаба, долгое время пребывала в статусе «младшего партнера» более известной британской Сикрет интеллидженс сервис (СИС), являвшейся главной разведывательной службой Британской империи.

«Паритет» в отношениях с СИС начал складываться только после образования в США в октябре 1947 г. ЦРУ и был достигнут где-то к началу 50-х годов, вследствие чего в дальнейшем США были определены советским руководством в качестве «главного противника» СССР, могущего превратиться из потенциального в реального, вследствие своих глобальных планов по установлению «нового мирового порядка», одним из инструментов достижения которого и стало ЦРУ.

4 июля 1945 г. команда сотрудников УСС во главе с Алленом Даллесом прибыла из Гейдельберга в Берлин и обосновалась в прекрасно приспособленном для функционирования спецслужбы особняке на улице Ференверг в пригороде Далем (здание имело 3 подземных этажа, и до апреля 1945 г. в нем размещался штаб фельдмаршала Кейтеля).

Однако в связи с последовавшей вскоре ликвидацией УСС его берлинская опергруппа уже 1 октября 1945 г. была переподчинена Департаменту стратегической служба (ДСС, военной разведке) военного министерства США и стала официально именоваться Берлинской оперативной базой (БОБ. После образования Центрального разведывательного управления США в октябре 1947 г. БОБ была передана новому разведывательному ведомству, но произошло это позднее).

Но и помимо БОБ на территории как Западного Берлина, так и западных оккупационных зон Германии действовали еще и другие многочисленные подразделения американской военной разведки и контрразведки: только на территории Западного Берлина в 1947 г. МГБ СССР были определены в качестве объектов оперативной разработки 8 подразделений разведывательных служб США, включая и американскую армейскую радиостанцию RIAS.

Разведывательные органы действовали также при штабах оккупационных войск Британской империи (английских, канадских, австралийских, парашютной бригады еврейской

общины Палестины, где, помимо британских разведчиков, действовала и нелегальная разведывательная резидентура Хаганы) и Франции.

БОБ, имевшая первоначально в своем составе разведывательный (СР – секретная разведка) и X-2 (контрразведка) отделы, занималась сбором информации о политических и социальных процессах как в собственной оккупационной зоне, так и на территории западных союзников, но в первую очередь – на территории советской зоны оккупации.

Начав развертывание оперативной работы с традиционных разведывательных опросов, уже с осени 1945 г. БОБ стала приобретать регулярных информаторов как из числа немцев, так и граждан других государств, стремясь к установлению разведывательных контактов как с офицерами СВАГ, так и командирами и офицерами РККА.

Как отмечал впоследствии один из ветеранов УСС, БОБ и ЦРУ Дэвид Мерфи, работавший в Берлине с 1946 г., германская линия в УСС после окончания войны в Европе была самой представительной, а БОБ являлась его самым большим зарубежным подразделением.

Первой масштабной операцией БОБ в 1946 г. стала операция «Грааль» по сбору разведывательных данных о советских воинских частях в Германии, в которой было задействовано более 250 агентов из числа немцев. Правда, осенью все они были арестованы органами МГБ СССР в Германии.

Дан Дюранд, возглавлявший БОБ в 1946–1949 годах, вспоминал, что на начальном этапе этой операции «и во Франкфурте, и Гейдельберге, где дислоцировались региональные штаб-квартиры американской разведки, и в Вашингтоне – были счастливы и требовали как можно больше информации».

* * *

Следует подчеркнуть, что известная «фултоновская речь» бывшего британского премьера У. Черчилля 9 марта 1946 г., призвавшая дать совместный отпор «советским притязаниям на Европу» и знаменовавшая собой поворот от союзнических отношений к политике «холодной войны», самым непосредственным образом сказалась как на отношениях между бывшими союзниками, так и на задачах, стратегии, масштабах и напряженности разведывательного противоборства, на оперативной и политической обстановке во всем мире, и в Германии в частности.

Помимо военной информации, БОБ было предоставлено право добывать информацию в области экономики, политики и науки, чем она отличалась от «чисто военной» разведки США.

Контрразведывательный отдел X-2 БОБ пытался также вести оперативные разработки советских разведывательных органов через их выявленных или перевербованных агентов, однако, по признанию Д. Дюранда, ему не удалось завербовать ни одного советского разведчика.

Как отмечал Д. Мерфи, в октябре 1955 г., после установления дипломатических отношений с ФРГ, Советское правительство в порядке «жеста доброй воли» освободило многих агентов БОБ из числа немцев, осужденных советскими военными судами в Германии в 1947–1953 годы.

Интересна также оценка, данная Мерфи советским органам госбезопасности: «лишь немногие (американские. – О.Х.) контрразведчики в Германии были знакомы с советской разведкой и службой безопасности, которые были гораздо лучше подготовлены и гораздо дисциплинированнее, чем любая из германских разведок во время войны... Советские разведчики старательно обходили ловушки американцев, и последние наконец-то поняли, сколь высок их уровень во всех разведывательных хитростях: подготовке явок, кличек, «уток», а

также снабжении агента минимальной информацией, то есть нулевой, о себе, своих коллегах и своем штабе»...

Еще одной активной разведывательной службой на оккупированной западными союзниками Германии являлась группа «Незаменимых», известная также как «Организация Гелена».

Генерал-лейтенант вермахта Рейнхард Гелен с апреля 1942 г. возглавлял 12-е управление Генерального штаба «Иностранные армии Востока» – головной орган гитлеровской военной разведки. 22 мая 1945 г. Гелен с 8 своими подчиненными сдался в плен американским войскам и предложил им услуги в организации разведки в советской оккупационной зоне и в СССР. Для обсуждения этого предложения в августе Гелен был направлен в Вашингтон, а в июле 1946 г. приступил в Германии к формированию собственной разведывательной организации на американские деньги, целью деятельности которой являлось оказание разносторонней разведывательной помощи США.

С 1 июня 1949 г. контроль и руководство «Организацией Гелена» со штаб-квартирой в Пуллахе (в 5 километрах к югу от Мюнхена) перешло от военной разведки Ай-И-Ди (Army Intelligence Department) к ЦРУ, а 12 сентября того же года, после провозглашения образования Федеративной Республики Германии, «Организация Гелена» была официально признана правительством ФРГ. Но решение о преобразовании «Организации Гелена» в государственную Федеральную разведывательную службу БНД (Bundesnachrichtendienst) было принято только 1 апреля 1956 г.

И после образования в октябре 1947 г. Центрального разведывательного управления США и по мере расширения «фронта» «холодной войны» против СССР операции американской, английской разведок и «Организации Гелена» против «советской оккупационной зоны», как даже после провозглашения 7 октября 1949 г. Германской Демократической Республики она продолжала именоваться в официальных документах западных держав, продолжали расширяться.

Из рассекреченных в начале 90-х годов прошлого века документов МГБ СССР следует, что только в первой половине 1948 г. на территории Германии за шпионаж были арестованы 549 человек, из них 341 американский агент, 121 – британский, 31 – французский, 6 – агентов других западных спецслужб.

Например, по оперативному делу «Нить» оперативным сектором МГБ СССР в Тюрингии 20 июня 1948 г. были арестованы 88 агентов (в документах МГБ они именовались «американскими шпионами»), однако в начале 90-х годов сличением советских и американских архивных источников удалось установить, что в действительности эта агентурная сеть принадлежала «Организации Гелена» и лишь косвенно «работала» на американскую разведку).

* * *

С учетом новых геополитических реалий в Европе, а также геополитических амбиций своего политического руководства, ЦРУ начало осуществлять широкую программу «активных мер», основанных на теории «тайных психологических операций», – хотя эта задача и не ставилась в законе США «О национальной безопасности», в соответствии с одним из параграфов которого и было образовано ЦРУ, право на проведение «тайных операций» было ему предоставлено исполнительным президентским декретом уже в декабре 1947 г.

Директива Совета Национальной безопасности США № 10/2 от 18 июня 1948 г. раскрывала понятие термина «тайные операции», относя к ним «все действия, которые проводятся или организуются нашим правительством против враждебных государств или групп, но которые планируются и проводятся так, чтобы какая-либо ответственность за них прави-

тельства США была неочевидна для неуполномоченных лиц, а в случае раскрытия правительство США могло бы правдоподобно отказаться от какой-либо ответственности за них».

К этим действиям арсенала «тайных операций» были отнесены: пропаганда, «экономическая война», «превентивные активные действия», включая саботаж, эвакуацию, подрывную деятельность против враждебных государств, в том числе оказание помощи нелегальным движениям сопротивления, партизанским и освободительным группам в изгнании и поддержка местных антикоммунистических элементов.

С этого момента расширение масштабов тайных операций стало одним из главных направлений американской внешней политики.

Для непосредственного осуществления этой масштабной программы 1 сентября 1948 г. в ЦРУ был сформирован специальный Отдел координации политики (ОКП), руководителем которого вскоре стал Фрэнк Визнер.

Перед Отделом координации политики ставились задачи:

- поддержки «оппозиционных движений» в «недружественных» США странах – восточно-европейских государствах;
- осуществления акций «экономической» войны;
- создания антикоммунистических групп и фронтов, а также создания «резервных» агентурных сетей на случай будущей войны.

Помимо ОКП нечто подобное в рамках единой стратегии противоборства с СССР и странами народной демократии проводил и Отдел специальных операций (ОСО) ЦРУ, штаб-квартира которого в Германии размещалась в городке Карлсруэ.

В частности, представительство ОКП в Германии ведало операциями по созданию радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», которые должны были стать важным элементом «психологической войны» против «советского блока» (до 1975 г. финансирование этих радиостанций осуществлялось тайно ЦРУ, которое же и «курировало» всю их работу; в 1976 г., после разоблачения связи радиостанций с правительственными службами США, их финансирование официально приняло на себя правительство этой страны).

В начале 50-х годов Отдел спецопераций (ОСО) ЦРУ разработал масштабную «международную программу «стимулирования дезертирства» (включавшую в себя проведение целого ряда спецопераций в различных странах и против различных объектов – от населения ГДР и ГСВГ, других групп советских войск за границей СССР до советских колоний за рубежом, посольств и даже резидентур советской разведки. Проводившиеся БОБ ЦРУ оперативные мероприятия в рамках этой программы получили название операции «Рэдкэп». Особый упор делался на осуществление конспиративных вербовочных контактов с советскими военнослужащими, сотрудниками СВАГ и спецслужб СССР, МИДа и других государственных ведомств. Одна из особенностей операции «Рэдкэп» ЦРУ – массовое использование агентов-женщин.

ЦРУ небезосновательно полагало, что наилучшими возможностями для налаживания контактов с советскими гражданами обладают лица различных национальностей, владеющие русским языком, знакомые с привычками, укладом, менталитетом и образом жизни советских людей.

Для развертывания своих операций с подобными целями, а также для того, чтобы скрыть их связи с правительственными органами США, ОКП и БОБ ЦРУ активно использовали для своих целей как существовавшие эмигрантские антисоветские организации НТС («Народно-трудовой союз»), СБОРН («Союз борьбы народов России»), а также создали организации прикрытия – Конгресс свободной культуры, Группу борьбы против бесчеловечности (1950–1959 гг.), Комитет свободных юристов (1952–1958 гг.). Все организации были ликвидированы их руководством во второй половине 50-х годов после разоблачения их связей с американской разведкой.

Между тем, серьезные изменения в стратегии и тактике разведывательно-подрывной деятельности происходили и в США: в августе 1951 г. пост заместителя директора ЦРУ занял Аллен Даллес, а в феврале 1953 г. он стал директором этого ведомства.

Этому назначению предшествовало провозглашение президентом Дуайэтом Эйзенхауэром новой внешнеполитической доктрины США – «отбрасывания коммунизма». Под руководством Даллеса, отмечают американские историки спецслужб Н. Полмар и Т.Б. Аллен, «ЦРУ превратилось в мощнейшую, глобальную разведывательную организацию, способную проводить тайные операции по всему земному шару».

* * *

Большая роль в тайной войне против СССР отводилась идеологическим диверсиям. Вопрос о назначении, сущности и содержании идеологических диверсий до сих пор вызывает немалую оживленную дискуссию в нашей стране. Что же скрывается за этим понятием?

Некоторые полагают, что за этим эвфемизмом скрывается банальная «борьба с инакомыслием», «диссидентами». Эта точка зрения представлена, например, в статье Н.В. Петрова «Специальные структуры КГБ по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг.».

Однако и она не только не рассматривает всех аспектов проблемы, но и имеет ряд методологических погрешностей, существенно искажающих реальную картину исторического процесса. В этой связи вряд ли без каких-либо оговорок можно согласиться с утверждением автора о том, что «на протяжении всего периода в структурах госбезопасности существовали подразделения, в чьи задачи входила борьба с «преступлениями мысли», т. е. борьба со всеми теми, кто в той или иной форме выступал против советской власти». Что касается деятельности 5-го Управления КГБ СССР, то подобное утверждение представляется особенно сомнительным.

Из предмета и контекста исторического анализа Н.В. Петровым, равно как и А.И. Пожаровым, исключаются концептуальные взгляды «главного противника» – стратегов США и других ведущих империалистических государств – на цели и задачи внешнеполитического противоборства с СССР, а также роль и назначение «психологической войны».

Названные авторы также не учитывают эволюции, смены парадигм, концептуальных взглядов зарубежных теоретиков геополитического противоборства с СССР, которые во второй половине XX века также претерпели ряд существенных трансформаций. А ведь даже официально провозглашавшиеся США внешнеполитические доктрины – от концепции «сдерживания коммунизма» Г. Трумэна (1947–1953 гг.), «отбрасывания коммунизма» Д. Эйзенхауэра (1954–1963 гг.) до политики «наведения мостов» Л. Джонсона (1964–1980 гг.) и «сокрушения империи зла» Р. Рейгана (1981–1988 гг.) – наглядно демонстрируют это.

Следует отметить, что зарубежными теоретиками скрытого противоборства и разведывательно-подрывного воздействия на Советский Союз идеологическая диверсия рассматривалась не только как составная часть «психологической войны», но и как важнейший инструмент реализации политики «холодной войны», нацеленной на достижение победы над геополитическим соперником и конкурентом.

По мнению западных теоретиков разведки, психологическая война – это координация и использование всех средств, включая моральные и физические (исключая военные операции регулярной армии, но используя их психологические результаты), при помощи которых уничтожается воля врага к победе, подрываются его политические и экономические возможности для этого; враг лишается поддержки, помощи и симпатий его союзников и нейтралов, или предотвращается получение им такой поддержки, помощи или симпатий; создается, поддерживается или увеличивается воля к победе нашего собственного народа и его союз-

ников; приобретается, поддерживается или увеличивается поддержка, помощь и симпатии нейтралов.

Взгляды западных теоретиков на назначение идеологических и политических диверсий изложены во многих переводных источниках, в частности, в книге Аллена Даллеса «Искусство разведки».

Выделим для читателей следующий крайне важный фрагмент для понимания «доктрины Даллеса»: «Мы сами должны определять, когда, где и каким образом мы должны действовать (надо полагать, при поддержке других ведущих стран свободного мира, которые смогут оказать помощь), учитывая при этом требования нашей собственной национальной безопасности... Важную роль должны сыграть разведывательные службы с их особыми методами и средствами. Это нечто новое для нынешнего поколения, тем не менее, весьма важное для успеха дела».

Напомним, что писалось это всего лишь через год после Карибского кризиса и через два года после провала высадки кубинских «контрас» на Кубу в заливе Плайя Херон.

Заметим при этом, что переход к активному осуществлению идеологических диверсий против СССР осуществлялся в рамках внешнеполитической доктрины США по «наведению мостов» с социалистическими государствами, в феврале 1964 г. пришедшей на смену предыдущей доктрине «отбрасывания коммунизма».

Заместитель Даллеса на посту директора ЦРУ Рэй Клайн позднее писал, развивая мысли своего патрона: «Ученым известно, что судьбы народов формируются комплексом трудно улавливаемых социальных, психологических и бюрократических сил. Обычные люди, чья жизнь – к худу ли, к добру ли – зависит от игры этих сил, редко понимают это, разве что смутно и весьма поверхностно. Одной из таких сил – с начала 40-х годов стала разведка».

При Трумэне – мы цитируем русскоязычное издание книги Р. Клайна «ЦРУ от Рузвельта до Рейгана», выпущенное в Нью-Йорке в 1988 г., – Совет национальной безопасности в декабре 1947 г. возложил на ЦРУ проведение тайных операций и акций психологической войны, хотя этой задачи ЦРУ и не было указано в законе о его образовании, принятом двумя месяцами ранее.

А в мае 1948 г. для проведения тайных акций в ЦРУ создается Управление координации политики (УКП). Интересная деталь: если в 1949 г. в УКП были 302 сотрудника, то в 1952 г. уже 2812 человек трудились только в его вашингтонской штаб-квартире, не считая 3142 сотрудников, работавших за границей.

Бюджет УКП увеличился с 5 млн. долларов в 1949 г. до 82 млн. долларов в 1952 г., поглощая львиную часть средств, ассигновывавшихся для работы ЦРУ.

* * *

В связи с тем, что вопрос о назначении, сути, содержании и механизме идеологических диверсий до сих пор остается дискуссионным, позволим высказать некоторые собственные соображения.

Как известно, в военной науке диверсией именуется отвлекающая операция, призванная ввести противника в заблуждение, привлечь его внимание и силы к ложному объекту и месту, тем самым ослабляя его и делая уязвимым.

В этой связи и акции идеологических диверсий, как осуществлявшиеся спецслужбами иностранных государств и связанными с ними идеологическими центрами, так и поддерживавшиеся государственными пропагандистскими органами, и представляли собой попытку подобного отвлечения внимания на ложный объект, побуждение к совершению правонарушений, которые небезосновательно, как было показано ранее, оценивались как враждебные.

По нашему мнению, идеологические диверсии представляют собой подрывные акции в сфере политических отношений, осуществляемые методами и силами спецслужб иностранных государств. Это – система взаимосвязанных и взаимоподчиненных разведывательно-подрывных, политических, пропагандистских и иных действий одного государства – причем в их реализации принимают участие не только спецслужбы, но различные иные государственные органы и неправительственные организации, – направленных против национальных интересов и целей другого государства, на дискредитацию его политики как внутри собственной страны, так и за рубежом.

Тактическими целями идеологических диверсий являются создание внутривнутриполитических трудностей, сужение социальной базы поддержки политики правительства, а стратегической – изменение «неудобного» политического курса государства – объекта воздействия.

В этой связи идеологические диверсии – их даже правильнее было бы назвать политическими диверсиями – являются прямым, а подчас и грубым вмешательством во внутренние дела другого суверенного государства. В том числе с использованием запрещенных международным правом методов – сотрудников и агентов спецслужб, наемников, материального стимулирования радикальных оппозиционных сил, прибегающих к насильственным методам, банального подкупа и тому подобных.

Впрочем, я не призываю на слово верить в справедливость всего сказанного. И любой читатель может попытаться опровергнуть сказанное, но для этого нужны аргументы, факты и знания. Ведь, как говорили римляне, *ignorantum non argumentum est*, то есть незнание не есть аргумент.

Обратим внимание лишь на два немаловажных обстоятельства.

Первое из них заключается в том, что описанный выше механизм воздействия на «неудобные» иностранные правительства и государства давно известен из всемирной истории и достаточно хорошо описан на конкретных примерах. Немало из которых, следует сказать, мы видим и сегодня.

Второе. Приведенная схема исключает какую-либо «идеологическую» составляющую, вроде «крестового похода против коммунизма» или «классовой борьбы на международной арене». Выделяя лишь политические интересы и цели конкретной правящей элиты, что свидетельствует о том, что данный феномен межгосударственных отношений продолжит свое существование и в обозримом будущем.

Однако, сознательно не вдаваясь далее в углубленное рассмотрение вопросов о назначении и сущности, структуре и аппарате осуществления идеологических диверсий, что неизбежно увело бы нас далеко в сторону от рассматриваемого предмета, отметим также, что США в 1976 г. рассекретили подготовленный ЦРУ еще в апреле 1951 г. документ под названием «Психологическое наступление против СССР. Цели и задачи».

Приведем также свидетельство американского историка Дэвида Лове: «До конца 60-х годов засылка советников, оборудования и денег на поддержку оппозиционных сил и организаций в социалистических странах была основным методом идеологической войны» (David Love *Idea To Reality: A Brief History of the National Endowment for Democracy*, // www.ned.org). Когда же выяснилось (и это стало достоянием прессы), что в эту активность было вовлечено ЦРУ, президент Л.Б. Джонсон приостановил ее, и до середины 70-х годов шел поиск новых методов и подходов в подрыве социалистических государств (как тут не вспомнить доктрину «наведения мостов», начало которой положил Д.Ф. Кеннеди! – *О.Х.*).

* * *

На вэб-сайте Фонда Форда (www.fordfound.org) любой заинтересованный читатель может прочитать, что «с 1950 г. Фонд Форда начал поддерживать проекты, ориентирован-

ные на Советский Союз и страны Восточной Европы. В 1950–1988 гг. около 60 млн. долларов было выделено на анализ ключевых проблем взаимоотношений Востока и Запада, поддержку свободы слова, культурного плюрализма и соблюдения прав человека. В 1989 г. фонд принял решение о прямой поддержке «прогрессивных» организаций в Советском Союзе, Польше, Венгрии, чтобы ускорить процесс демократизации и экономического реформирования этих государств. На эти цели в 1989–1994 гг. было направлено приблизительно 30 млн. долларов США». Подчеркнем при этом, речь идет о деятельности и расходах лишь одной из организаций, оказывавших «помощь» социалистическим странам, при этом само содержание такой «помощи» в «поддержке свободы слова» и так далее не раскрывается.

Подчеркнем и то немаловажное обстоятельство, что Председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный подчеркивал, что еще «во времена хрущевской «оттепели» американские стратеги начали предпринимать попытки перенести игру на территорию СССР, приступив к созданию «организованного движения сопротивления».

Выступая 26 октября 1961 г. на XXII съезде КПСС, А.Н. Шелепин подчеркивал:

«Идеологи империализма, выступающие сейчас под флагом антикоммунизма, открыто провозглашают, что в борьбе за мировое господство подрывная деятельность их разведок призвана сыграть видную роль. Правящие круги империалистических держав активно и цинично используют разведывательные органы в своей внешней политике, придавая ей все более злобный и провокационный характер».

В своих мемуарах В.Е. Семичастный небезосновательно приводил записку Председателя КГБ и генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС о том, что с декабря 1965 г. в Москве участились случаи выступлений с требованием пересмотра законодательства, отмены статьи 70 УК РСФСР, освобождения задержанных за распространение антисоветских листовок. При этом, по его свидетельству, «эти действия не имели случайного характера, а были инспирированы извне», упоминает о группе из 35–40 человек, связанной с НТС.

Процитируем в этой связи один из официальных документов середины 80-х годов, раскрывающий сущность, назначение и содержание деятельности иностранных спецслужб по инспирированию так называемого «демократического движения» в СССР.

«Демократическое движение» (историческое) – выражение, использовавшееся специальными службами противника и зарубежными антисоветскими центрами в акциях идеологической диверсии в 1965–1977 гг. для создания видимости наличия в нашей стране оппозиционного течения и склонения отдельных лиц к активным враждебным действиям.

В целях стимулирования «Д.д.» ЦРУ совместно с НТС подготовило для распространения в СССР «Программу демократического движения Советского Союза», в которой ставилась задача ликвидации советской власти в СССР и создания так называемого «союза демократических республик», основанного на принципах буржуазного государства.

В порядке осуществления практического руководства «Д.д.» в 1969 г. противником были разработаны «Тактические основы демократического движения», содержавшие развернутые рекомендации по организации подрывной работы. Одной из главных была рекомендация блокирования враждебных элементов с националистами, в том числе сионистами, а также реакционными церковниками и сектантами.

Часть 2

КГБ ПРОТИВ «ДОКТРИНЫ ДАЛЛЕСА»

В связи с активизацией шпионской деятельности и идеологической войны против СССР в рамках осуществления «доктрины Даллеса» в Советском Союзе возникла насущная необходимость в создании мощной структуры госбезопасности, способной противостоять американским планам. Политическое решение о выделении структур органов госбезопасности из МВД СССР в самостоятельное ведомство было принято в феврале 1954 г. на основании записки министра внутренних дел С.Н. Круглова в Президиум ЦК КПСС.

В этом письме, в частности, подчеркивалось: «Существующее организационное построение Министерства внутренних дел СССР и его органов громоздко и не в состоянии обеспечить должного уровня агентурно-оперативной работы в свете задач, поставленных перед советской разведкой Центральным комитетом КПСС и Советским Правительством.

В целях создания необходимых условий для улучшения разведывательной и контрразведывательной работы считаем целесообразным выделить из Министерства внутренних дел СССР оперативно-чекистские управления и отделы и на их базе создать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР».

Далее в записке излагались соображения о структуре центрального аппарата предлагаемого ведомства и о создании «для проведения на местах мероприятий, связанных с обеспечением государственной безопасности» его управлений (в республиках, краях и областях, а также крупных промышленных центрах), Особых отделов в военных округах, соединениях и частях, а также аппаратов Уполномоченных Комитета на железных дорогах и водных бассейнах.

В процессе реформирования органов госбезопасности Кругловым также предлагалось сократить численность их оперативного состава на 20 %, что должно было составить 15 956 штатных единиц, и что должно было дать годовую экономию в 346 миллионов рублей.

А всего, с учетом сокращения численности МВД (на 8839 штатных единиц), реформа обещала экономию в сумме 860 млн. рублей.

Сразу отметим, что в результате проведенных преобразований в МВД осталось 20 управлений и самостоятельных отделов.

По результатам обсуждения этого письма и с учетом высказанных в ходе него предложений и замечаний, 13 марта 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об образовании КГБ при Совете министров СССР (утвержден Верховным Советом СССР 26 апреля того же года). Сам текст Указа был предельно лаконичен:

«Образовать Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР.

Председатель Комитета входит в состав Совета министров с правом решающего голоса».

Первым Председателем КГБ был назначен генерал-полковник Иван Александрович Серов, бывший до этого заместителем министра внутренних дел. По-видимому, главную роль в назначении Серова на это пост сыграло его совместная работа и знакомство с Н.С. Хрущевым на Украине в 1939–1941 годах. В принципе, в подобном весьма распространенном «протекционизме» нет ничего однозначно отрицательного: руководитель хочет, – и небезосновательно! – опираться на хорошо известные ему по предыдущей совместной работе кадры. Проблема лишь в том, чтобы кандидат на высокий пост по своим профессиональным, деловым и личным качествам соответствовал предполагаемой должности.

Не касаясь личных качеств Серова, о грубости, резкости и своеволии которого имеется немало свидетельств, отметим только, что по формально-кадровым основаниям и соображе-

ниям он вполне подходил на эту должность. И, в принципе, не обманул ожиданий Хрущева по «перестройке» работы органов госбезопасности.

* * *

В то время под обеспечением государственной безопасности понималась широкая система мероприятий, осуществляемых различными органами Советского государства, их должностными лицами и гражданами, включающая охрану государственных границ, государственной тайны и другие, в том числе чрезвычайные, меры по охране государственной безопасности и общественного порядка.

В соответствии с Конституцией СССР, обеспечение государственной безопасности относилось к ведению Союза ССР, в связи с чем его высший законодательный орган издавал законы в области государственной безопасности, а Совет министров был уполномочен направлять и координировать работу министерств и ведомств союзных республик, призванных участвовать в этом процессе в соответствии со своей компетенцией.

Определенная компетенция в сфере обеспечения госбезопасности Советского Союза была установлена также для министерств иностранных дел, обороны, здравоохранения, транспорта, связи, МВД и ряда других министерств и ведомств СССР.

КГБ при СМ СССР являлся, на правах союзно-республиканского министерства, центральным органом государственного управления в сфере обеспечения государственной безопасности Советского Союза.

Следует также подчеркнуть, что де-факто, получив статус союзно-республиканского ведомства, КГБ им не являлся, как не имел он и более высокого статуса государственного комитета, который он приобрел только 5 июля 1978 г., лишившись в своем официальном наименовании приставки «при СМ СССР». С учетом этого обстоятельства мы и будем в дальнейшем использовать обобщающий акроним КГБ СССР.

Согласно решению Президиума ЦК КПСС, на Комитет государственной безопасности при СМ СССР возлагались следующие задачи:

- а) ведение разведывательной работы в капиталистических странах;
- б) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок внутри СССР;
- в) борьба с вражеской деятельностью разного рода антисоветских элементов внутри СССР;
- г) контрразведывательная работа в Советской Армии и Военно-Морском флоте;
- д) организация шифровального и дешифровального дела в стране;
- е) охрана руководителей партии и правительства.

Помимо этого в партийном решении была сформулирована и главная для КГБ задача: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берия в органах государственной безопасности и добиться превращения органов госбезопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей».

Приказом Председателя КГБ при СМ СССР от 18 марта была определена структура нового ведомства, в котором, не считая вспомогательных и обеспечивающих подразделений, были образованы:

- Первое Главное управление (ПГУ, разведка за границей, – начальник А.С. Панюшкин);
- Второе Главное управление (ВГУ, контрразведка, – П.В. Федотов);
- Третье Главное управление (военная контрразведка – Д.С. Леонов);
- Четвертое управление (борьба с антисоветским подпольем, националистическими формированиями и враждебными элементами – Ф.П. Харитонов);

Пятое управление (контрразведывательная работа на особо важных объектах – П.И. Ивашутин);

Шестое управление (контрразведывательная работа на транспорте – М.И. Егоров);

Седьмое управление (наружное наблюдение – Г.П. Добрынин);

Восьмое Главное управление (шифровально-дешифровальное – В.А. Лукшин);

Девятое управление (охрана руководителей партии и правительства – В.И. Устинов);

Десятое управление (Управление коменданта Московского Кремля – А.Я. Веденин);

Следственное управление (вакансия).

В целом эта структура раскрывает функции и задачи нового союзно-республиканского ведомства.

Задачи считающегося одним из важнейших направлений деятельности спецслужб – внешней разведки – были конкретизированы в решении ЦК КПСС от 30 июня 1954 г. «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Оно требовало сосредоточить усилия на организации работы в ведущих западных странах, США и Великобритании, являвшейся давним геополитическим соперником России, а также на «используемых ими для борьбы против Советского Союза странах, в первую очередь Западной Германии, Франции, Австрии, Турции, Иране, Пакистане и Японии».

* * *

Чем же занимался Комитет государственной безопасности СССР и с чем он боролся?

Используем для ответа на этот вопрос уже упоминавшуюся нами книгу бывшего директора ЦРУ США Аллена Даллеса «Искусство разведки», ставшую на Западе своего рода «разведывательным манифестом», адресованным, в первую очередь, правящей элите и призванным раскрыть ей глаза на новую роль спецслужб в современном мире. Поскольку авторами, писавшими о деятельности КГБ, этому исключительно важному историческому документу не уделяется должного внимания, представляется необходимым ликвидировать этот пробел для лучшего понимания современными читателями сущности и содержания диалектики разведывательного противоборства стран капиталистического и социалистического лагеря.

Даллес объявлял своей целью «рассказать – в той мере, в какой это допустимо, – о деятельности разведки как жизненно важного элемента в структуре нашего государственного аппарата в переживаемую эпоху».

Подчеркнем, что, делаясь со своими читателями – а ими были представители политического истеблишмента западных государств, – соображениями о необходимости стратегии противостояния коммунизму, Даллес сознательно раскрывал, стремясь сделать ее понятной и оправданной, деятельность разведывательного сообщества США.

Даллесом приводились слова президента Дж. Ф. Кеннеди на церемонии открытия нового здания штаб-квартиры ЦРУ 28 ноября 1961 г.: «О ваших успехах никогда не говорят, а о ваших неудачах трубят повсюду. Ясно, что вы не можете говорить о тех операциях, которые идут хорошо. Те же, которые идут плохо, обычно говорят сами за себя».

Президент США подчеркнул: «Я уверен, что вы понимаете, как важна ваша работа и как высоко будут оценены в далеком будущем ваши усилия».

Понятно, что книга-манифест А. Даллеса не могла не содержать изрядной доли антисоветизма и антикоммунизма, призванного убедить читателя в «благородстве» помыслов американских «рыцарей плаща и кинжала».

Так, отмечая, что «начиная с 1946 г. Советский Союз даже не старался делать вид, будто бы является нашим другом», Даллес даже не упомянул об известной речи Черчилля в Фултоне в марте того же года, знаменовавшей именно отказ Великобритании от союзниче-

ских позиций и содержавшей аналогичный призыв к администрации США. Зато приводит следующие слова из обращения президента Г. Трумэна 12 марта 1947 г. к Конгрессу США, провозглашавшего концепцию «Сдерживания коммунизма»: «Действия коммунистов угрожают безопасности нашей страны, и мы будем оказывать свободным народам помощь в их защите от агрессивных движений навязать им тоталитарные режимы».

При этом сам Даллес признавал, что «Мы не находимся «в мире» с коммунистическими странами и не находились с тех пор, как коммунизм объявил войну нашему образу государственного управления и жизни», – не будем удивляться парадоксальному «незнакомству» шефа ЦРУ с мирными внешнеполитическими инициативами СССР 1956–1963 годов!

Конечно, откуда, да и зачем западному читателю Даллеса было знать о внешнеполитической концепции «мирного сосуществования и соревнования двух социально-политических систем», выдвинутой XX съездом КПСС в 1956 г.?!

В то же самое время, оправдывая право США на превентивные действия, ныне утверждающееся под названием «гуманитарной интервенции», примеры чего весь мир видел в марте 1999 г. в Сербии и в 2003–2008 годах в Афганистане и Ираке, Даллес откровенно писал: «Мы же со своей стороны должны много делать и немало делаем для того, чтобы укрепить позиции слабых стран и не дать коммунистам возможности захватить их в свои руки. Безусловно, мы не можем ограничиваться лишь оборонительными действиями; в ряде случаев мы берем инициативу в свои руки, заставляя коммунистов отступать, и таких случаев должно быть больше».

Можно, конечно, сказать, что подобные взгляды на назначение разведки уже канули в Лету, как канула туда и породившая их политика «холодной войны». Однако, предостерегая от подобных скоропалительных выводов, хочется посоветовать повнимательнее прислушиваться и повнимательнее обдумать очень многие голоса и призывы, раздающиеся из-за океана и сегодня.

Что, в частности, подтвердили и раздававшиеся в августе 2008 г. в Вашингтоне голоса, «осуждавшие нападение России на Грузию(?)»!

* * *

Отмечая, что «стихийные революционные действия невооруженного народа в наш век неэффективны и зачастую ведут к катастрофе», Даллес выстроил целую теорию «гуманитарной интервенции». Он подчеркивал: «Запад со своей стороны может открыто оказывать помощь тем или иным способом».

Однако западные разведки «должны выполнять свою роль на начальных стадиях борьбы, когда подрывные действия (подразумевается – «коммунистических спецслужб». – *О.Х.*), еще только планируются и организуются», а также «иметь наготове специальные средства, как открытые, так и тайные, для борьбы с заговором».

Во многих случаях, скромно признавался Даллес, «в гораздо большем числе, чем это известно, у нас были успехи, причем некоторые из них существенные. Однако, пожалуй, еще не время афишировать эти действия или те средства, которые были использованы».

Раскрывая глобальный характер разведки, ведущейся США, бывший директор ЦРУ подчеркивал, что «В наши дни разведка вынуждена вести постоянное наблюдение во всех районах мира, независимо от того, к чему привлечено в данный момент внимание дипломатов или военных... Обязанность разведки, – подчеркивал Даллес, – предупреждать о возникающих опасностях так, чтобы правительство могло принять должные меры. В поисках информации теперь уже нельзя ограничиваться рамками лишь некоторых стран. Ареной нашего конфликта является весь мир... Наше правительство должно быть заблаговременно предупреждено и вооружено. Бдительность разведки, заблаговременное предупреждение

ею об опасности уже само по себе могло бы явиться одним из наиболее эффективных средств сдерживания воинственных appetitов потенциального противника... Разведывательный анализ должен проводиться по всем странам, где могут оказаться затронутыми наши интересы... Естественно, для нас может иметь значение политическая, экономическая и социальная обстановка в различных странах. Обязанность разведки – объявлять тревогу до того, как ситуация приобретает кризисный характер».

Работа Даллеса изобилует и явно комплиментарными характеристиками советских спецслужб: «В лице Советского Союза мы имеем перед собой противника, поднявшего искусство шпионажа на небывалую высоту... Информация, которую посредством секретных операций смогла добыть советская разведка во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла собой такого рода материал, который является предметом мечтаний для разведки любой страны».

Да и упоминавшиеся Даллесом имена советских разведчиков, действовавших на Западе в 50–60-е годы – Абея, Лонсдейла, Крогерова, Филби, Фукса и других, также свидетельствуют о весьма эффективной работе ПГУ КГБ СССР.

Отдавая должное техническим достижениям, появившимся в то время ЭВМ, Даллес подчеркивал, что «то, для чего аналитику потребовалась бы неделя поиска и изучения архивных материалов, машина может сейчас выполнить в считанные минуты... Наука будет и впредь важнейшим средством разведки. Мы находимся в напряженнейшем соревновании с коммунистическим блоком, и особенно с Советским Союзом, в области развития науки и должны позаботиться о том, чтобы сохранить за собой первенство».

«Хотя цели контрразведки являются оборонительными, – писал Даллес, – однако действует она преимущественно наступательными методами. Ее идеальной целью, является раскрытие планов вражеской разведки на самой ранней их стадии, а не после того, как они начнут осуществляться и приносить вред. Чтобы выполнить эту задачу, контрразведка стремится проникнуть во внутренние сферы разведывательных служб противника вплоть до самого высокого уровня – туда, где разрабатываются планы операций, где отбирают и готовят агентов; и если это достигнуто, то ставится цель привлечь на свою сторону «инсайдеров» из лагеря противника».

Безусловно интересен и следующий пассаж, раскрывающий технологию работы западных спецслужб с перебежчиками из социалистических государств:

«После венгерской революции 1956 г. более четверти миллиона беженцев перешло на Запад. Они снабдили нас самыми важными сведениями по всем аспектам технического, научного и военного прогресса в Венгрии и дали нам превосходный прогноз на будущие годы». Оставив на совести автора указание на численность венгерских эмигрантов, подчеркнем только ту высокую оценку, которую он давал «утечке умов» и опросам эмигрантов как фактору и способу получения разведывательной информации.

* * *

Подчеркнем и то чрезвычайно важное обстоятельство, что Даллес, обращаясь к политической элите Запада, считал своим долгом объективно знакомить ее с реалиями тайной войны. По крайней мере, в той ее части, как он ее понимал. В этой связи крайне интересны, да, пожалуй, не утратили своего значения и сегодня, следующие характеристики перебежчиков из социалистических государств:

«Я не утверждаю, что все так называемые дезертиры (dezers) бежали на Запад по идеологическим мотивам. Некоторые стали на этот путь потому, что их постигла неудача в работе, другие поступили так из опасения, что при очередной перетряске государственного аппарата они могут быть понижены или могут иметь еще худшие неприятности; были и

такие, кого привлекли физические соблазны жизни на Западе – как моральные, так и материальные...

Жизнь в коммунистическом мире опротивела им, и они жаждут чего-то лучшего. Вот почему применительно к таким людям я употребляю термин «дезертир» очень осторожно и заранее извиняюсь. Я предпочитаю называть их «добровольцами».

Обращаясь к своим западным коллегам, дипломатам и государственным деятелям, Даллес делился сокровенным, хотя эти его сентенции привлекли внимание также и шефа КГБ:

«За железным занавесом имеется много неизвестных нам недовольных людей, которые всерьез думают о побеге из своей страны... Таким людям можно помочь, убедив их в том, что они будут тепло встречены и обретут у нас безопасность и счастливую жизнь. Всякий раз, когда вновь прибывший политический перебежчик, выступая в передаче «Голоса Америки», скажет, что он уже находится у нас и что к нему хорошо относятся, другие люди за железным занавесом, которые обдумывают та кой же шаг, наберутся решимости и вновь начнут обдумывать, как бы получить назначение за границу...».

От государственных чиновников, которым, по сути дела, и была адресована эта книга Даллеса, автор не считал нужным скрывать, что «Часть дезертиров со стороны коммунистов, оказывается, совсем не те, за кого их можно принять. Некоторые, например, в течение долгого времени работали за железным занавесом в качестве наших агентов «на месте» и перебежали на Запад лишь после того, как они (или мы) пришли к выводу, что дальше оставаться им в стране стало слишком опасно...».

Дезертирство кадрового разведчика противной стороны является, естественно, большой удачей для контрразведки. Ведь сточки зрения количества и содержания полученной при этом информации такой источник равноценен прямому проникновению на какой-либо срок в разведывательные штабы противника. Один такой доброволец-разведчик может буквально парализовать на несколько месяцев работу покинутой им разведслужбы. США всегда будут приветствовать тех, кто не хочет больше работать на Кремль... В каждой коммунистической стране много людей, пострадавших от рук государственных органов или имеющих пострадавших среди близких им людей. Таких людей зачастую достаточно лишь слегка подтолкнуть, чтобы они согласились заниматься шпионажем против режима, который не уважают, который их обидел или в котором они разочаровались».

Но в то же время опытный разведчик Даллес не мог не понимать, что «Среди людей, берущихся за шпионаж, некоторые делают это потому, что испытывают финансовые затруднения, имеют долги, которые не могут выплатить, либо растратили государственные средства... Человек, рассчитывающий таким образом уйти от уголовной ответственности, сам запутывает себя в сети шпионажа и, вероятно, будет хорошо работать на разведку, поскольку не видит иного выхода. В конце концов разведка всегда может найти способ разоблачить его в любое время перед его властями».

Отметим, что Даллес вовсе не говорил о возможной идейно-политической основе сотрудничества советского гражданина с разведкой США, видимо, хорошо зная цену подобным перебежчикам.

* * *

Особого внимания читателей заслуживает глава сочинения А. Даллеса, озаглавленная «Роль разведки в «холодной войне».

В ней Даллес раскрывал собственное видение содержания мирового противостояния и противоборства:

«...На выборах за коммунистов голосует гораздо большее число людей, разделяющих коммунистические идеи, но не оформивших свое членство. Наиболее многочисленные коммунистические партии за пределами коммунистического блока находятся во Франции, Италии, Индии и Индонезии, однако цифры в данном случае вовсе не отражают истинного положения дел.

Для проведения подрывной деятельности более важным фактором может оказаться наличие прочного ядра преданных делу и дисциплинированных активистов, чем высокая численность партии...

К несчастью, коммунистические партии во многих странах превратились в крупнейшие политические организации, находящиеся в оппозиции к правящим режимам. Поэтому они привлекают к себе – не обязательно в качестве членов, но сочувствующих, – массы избирателей, используя как националистические лозунги, так и лозунги движений за трезвость, реформы или же против атомного оружия...

Когда начинается предвыборная кампания, аппаратчики компартии собирают под свои знамена всех этих людей и многих других, ожидающих перемен и наивно полагающих, что эти перемены могут быть достигнуты только с помощью коммунистов... Всемирный конгресс мира, различные молодежные и женские организации и творческие союзы также входят в число замаскированных коммунистических структур. Они пытаются завлечь в свои ряды доверчивых и легковверных, выступая с позиций солидарности и порядочности и используя лозунги «защиты мира» и «запрета на атомную бомбу».

Далее в качестве «подрывных» акций Даллес описывал проведение Фестивалей молодежи и студентов, «коммунистическое проникновение» в профсоюзные движения, радиовещание СССР, умалчивая о внешнепропагандистской деятельности радиостанций «Радио «Свобода» и «Свободная Европа», в то время тайно финансировавшихся ЦРУ США.

«Собранные воедино, – продолжал идеолог американской разведки, – эти организации могут составить, так сказать, московский «оркестр ниспровержения» существующего в данном государстве строя. Многие его инструменты в отдельности, а иногда и сразу весь оркестр, начинают действовать по знаку дирижерской палочки из Москвы, чтобы оказать давление на страну, которая избрана в качестве объекта подрывной деятельности. Такой «оркестр» играет даже в тех государствах, где процесс «захоронения капитализма» предвидится, даже по оценкам Кремля, в весьма далеком будущем (например, в США).

Так выглядит аппарат подрывных действий, которому мы противостояем ныне в «холодной войне», навязанной нам коммунистами».

Оставим на совести автора подобные пассажи о могуществе пресловутой «руки Москвы», но в то же время отметим, что подобные сентенции не могли, разумеется, не оказывать влияние на часть населения капиталистических государств, в том числе и их элиты, не способствовать нарастанию антикоммунистической истерии.

Гораздо важнее рецепты от Даллеса по спасению западного мира:

«К активным средствам против этой угрозы относится, во-первых, провозглашаемая нами внешняя политика, полную ответственность за которую несут Государственный департамент и президент.

Во-вторых, занимая оборонительную позицию, можно убедить свободный мир, что мы и наши союзники достаточно сильны и готовы решительно ответить на советские военные угрозы...

Третьим позитивным фактором является вклад, который вносит разведывательная служба. Она должна:

1) Своевременно предоставлять правительству информацию о том, в каких странах коммунисты наметили начать подрывные действия;

2) Внедрять агентуру в важные структуры их подрывного аппарата... предоставлять правительству анализ используемых средств, а также данные о доверенных лицах противника, проникших в состав правительства;

3) Помогать странам свободного мира, насколько это возможно, в создании собственных оборонительных структур против инфильтрации коммунистов и заблаговременно предупреждать правительства этих стран о характере и размерах угрозы, а также оказывать поддержку их службам безопасности.

В тех случаях, когда это возможно, – продолжал Даллес, – мы должны помогать правительствам, попавшим в подобного рода ситуации, и поддерживать их стремление к сопротивлению и уверенность в том, что они смогут выстоять против тоталитаризма...

Как только нам предоставится возможность оказать помощь, мы оказываем ее и поддерживаем стремление свободных стран к сопротивлению. И делаем это задолго до того, как коммунисты сумеют проникнуть в правительственные круги и процесс демонтажа строя станет необратимым...

Западные разведки должны приступать к выполнению своих задач значительно раньше, чем этим займутся военные структуры, то есть когда подрывные акции Советов еще только готовятся... Для того чтобы мы приступили к активным военным действиям, нам необходимо располагать надежными разведывательными данными о заговоре и заговорщиках и иметь под рукой требуемые средства для открытых или скрытых контрмер».

Порассуждав на тему «определенных рамок применения силы», которое должно быть «санкционировано на высшем политическом уровне», то есть президентом США, Даллес, как уже говорилось, подчеркивал, что «мы сами должны определить, когда, где и каким образом нам действовать, по возможности, вместе с другими ведущими государствами свободного мира, готовыми оказать такую поддержку».

* * *

С середины 50-х годов, вследствие официально принятой администрацией Д. Эйзенхауэра «доктрины освобождения», роль и значение разведки в реализации внешней политики США последовательно возрастали, что не могло не сказываться на масштабах и интенсивности ее деятельности в отношении СССР и что не могло не влиять на деятельность советских органов безопасности.

В записке в ЦК КПСС от 22 июня 1957 г. по итогам работы КГБ с момента его образования И.А. Серов отмечал, что только лично Н.С. Хрущеву было направлено 2508 информационных сообщений, полученных от резидентур ПГУ за рубежом, в Совет министров СССР было направлено 2316 сообщений. Также разведывательная информация направлялась КГБ в отделы ЦК КПСС по международным связям и по связям со странами народной демократии, в министерства обороны, иностранных дел, внешней торговли, среднего машиностроения и здравоохранения.

В записке также уточнялось, что за тот же период времени по отдельным вопросам оперативной деятельности КГБ, по вопросам политического, экономического и военного положения капиталистических стран, по отдельным вопросам положения в странах народной демократии в ЦК КПСС было направлено 4504 документа, а в Совет министров – 1750.

В то же время следует подчеркнуть, что из общего числа указанных документов 907 адресованных в ЦК КПСС и 330 адресованных в Совет Министров СССР документов требовали решений инстанций по конкретным поднятым в них вопросам.

И за этими сухими цифрами стоит повседневная кропотливая, напряженная и опасная работа советских разведчиков.

В то же время в письме И.А. Серова в ЦК КПСС подчеркивалось, что «за последний год аппарат Совета Министров часто уклонялся от поставленных КГБ вопросов, рекомендуя адресовать их для разрешения в ЦК КПСС».

Несколько позже, отчитываясь о проделанной работе, Председатель КГБ при СМ СССР Серов докладывал в ЦК КПСС в июне 1957 г.:

«Выполняя постановления ЦК КПСС о перестройке и устранении недостатков в работе органов госбезопасности, Комитет с помощью ЦК КПСС и партийных органов на местах укрепил чекистский аппарат проверенными и подготовленными кадрами, организовал систематический контроль за работой КГБ республик и УКГБ краев и областей, издал необходимые приказы и указания по вопросам оперативной и следственной работы. Провел 2 Всесоюзных совещания начальников органов госбезопасности, на которых были вскрыты еще имеющиеся недостатки в работе, намечены пути к их устранению...

Значительно улучшился качественный состав органов госбезопасности. В настоящее время около 80 процентов сотрудников имеют высшее и среднее образование...

Внимание всего руководящего состава и партийных организаций органов госбезопасности в настоящее время направлено... на привитие оперативным работникам высокой дисциплины, самоотверженности при выполнении специальных заданий, на постоянное совершенствование их чекистского мастерства, необходимого для борьбы с врагами нашей Родины».

Непосредственно о деятельности «главного противника» в этом документе сообщалось:

«В своих разведывательных целях американская разведка использует многочисленные эмигрантские организации, в том числе т. н. «Национальный трудовой союз» (НТС), «Организацию украинских националистов» (ОУН) и другие антисоветские организации.

Направляя антисоветские эмигрантские организации на борьбу против СССР и стран народной демократии, американская разведка затрачивает огромные средства на их содержание. Как известно, США ежегодно ассигнуют более 100 млн. долларов для подрывной деятельности против социалистических стран.

За последние три года органами безопасности при активной помощи советского народа были пойманы на советской территории десятки шпионов, проникших нелегальным путем (морем, воздухом, через сухопутные границы), у которых были изъяты радиостанции, оружие, фотоаппараты, средства тайнописи, яды, фиктивные документы и значительные суммы советских денег и иностранной валюты.

По изъятым у этих шпионов документам и по их личным показаниям, а также по материалам, полученным нами из других источников, видно, что разведки капиталистических государств всеми силами стремятся добывать сведения о наших вооруженных силах, о новой технике и достижениях советской науки, пытаются проникнуть в важные промышленные центры страны и объекты оборонного значения и атомной промышленности.

Наряду с заброской специально обученной агентуры на территорию Советского Союза, вражеские разведки принимают активные меры к сбору разведывательных данных через своих разведчиков, прибывающих в СССР под видом дипломатов, туристов и членов различных делегаций.

В этих целях они используют не только поездки по стране, но и новейшую технику, рассчитанную на добычу секретных данных большой государственной важности...

Организуя подрывную работу против Советского Союза, американская разведка рассчитывает на использование отдельных вражеских элементов внутри нашей страны и создание с их помощью антисоветского подполья...

Имеющиеся в органах госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что разведки империалистических государств, наряду с усилением шпионско-диверсионной дея-

тельности, развернули бешеную пропаганду против основ политического строя в СССР и странах народной демократии».

* * *

Прервем здесь цитирование этого исторического документа для одного необходимого замечания по его дальнейшему содержанию.

Следует отметить, что определенные объективные основания для подобной пропаганды действительно имелись. И содержались они, в частности, и в докладе Н.С. Хрущева делегатам XX съезда КПСС, содержание которого стало широко известно как в нашей стране, так и за рубежом.

Продолжим, однако, цитирование прерванной нами записки Серова в ЦК КПСС:

«Враждебные действия и враждебная пропаганда разведок капиталистических государств вызвали надежду на восстановление капиталистического строя у скрытых врагов социализма, которые после венгерских событий несколько оживились и активизировали свою деятельность.

Особую активность проявляют бывшие участники троцкистско-националистических и других враждебных организаций, а также отдельные антисоветские элементы, которые ведут работу против партии, используя в этих целях неустойчивых и политически незрелых лиц из числа рабочих, интеллигенции, молодежи, призывая их к борьбе против советской власти.

Оживлению антисоветской деятельности после венгерских событий в значительной мере способствовали вражеские элементы из числа лиц, возвратившихся из мест заключения, отбывавших наказание за контрреволюционные преступления. Эти лица пытаются группировать вокруг себя политически неустойчивых граждан с целью привлечения их к враждебной подрывной работе.

Органы госбезопасности с помощью партийных, комсомольских и профсоюзных организаций бдительно следят за происками враждебных элементов и, в соответствии с законами советской власти, своевременно пресекают их преступные действия».

В данной записке также указывалось, что для укрепления разведывательных подразделений КГБ в них было направлено более 800 человек, окончивших ведущие вузы страны, в том числе институт международных отношений, военно-дипломатическую академию и другие. Что способствовало достижению некоторых результатов «...по добыванию качественной информации, что позволило Комитету госбезопасности своевременно информировать Центральный Комитет и Советское правительство о некоторых враждебных планах и намерениях глав империалистических держав по международным вопросам».

Еще одним источником кадрового пополнения органов госбезопасности была Высшая школа КГБ СССР. В 1954 г. Высшая школа перешла на трехлетний срок подготовки сотрудников, а в ноябре того же года при ней была образована аспирантура для подготовки специалистов высшей квалификации.

Следует также отметить, что при И.А. Серове началась работа по формированию нового «имиджа» советских органов безопасности, повышению доверия к ним со стороны населения.

Массовыми тиражами издаются книги, посвященные истории ВЧК-ОГПУ: «Очерки истории ВЧК» (1956) П.Г. Софинова; «Страницы из жизни Ф.Э. Дзержинского» (1956).

В следующем году вышли из печати «Дневник и письма» Ф.Э. Дзержинского, двухтомник его избранных произведений.

В 1958 г. был издан первый сборник документов «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1921 гг.)».

В числе важнейших событий, относящихся к периоду пребывания Серова на посту Председателя КГБ, относится гибель в результате взрыва 29 октября 1955 г. в бухте Севастополя флагмана Черноморского флота линкора «Новороссийск» (полученного по репарации от Италии бывшего итальянского линкора «Джулио Цезаре», что породило версию о возможной диверсионной акции иностранных спецслужб). Тайна гибели «Новороссийска», унесшей жизни более 600 членов его экипажа, не раскрыта и до сегодняшнего дня.

В апреле следующего года на территории Восточного Берлина совместно с органами Министерства государственной безопасности ГДР была пресечена масштабная совместная СИС и ЦРУ разведывательная операция «Золото», правда, с первых дней своего осуществления находившаяся под контролем КГБ СССР.

Часть 3 НОВАЯ ТАКТИКА США. ПРИЗНАНИЯ БЖЕЗИНСКОГО

Новым Председателем КГБ при СМ СССР 25 декабря 1958 г. был назначен Александр Николаевич Шелепин.

До этого момента молодой – 39 лет! – шеф советской госбезопасности 14 лет проработал на различных аппаратных должностях в комсомоле, в том числе с 1943 г. – секретарем Центрального комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи, а с 1952 г. – первым секретарем ЦК ВЛКСМ. И лишь полгода – с апреля по декабрь 1958 г. – он занимал должность заведующего отделом ЦК КПСС.

Эти опыт и особенности служебной карьеры, предполагавшей не проявление самостоятельности мышления и действий, инициативы и творчества, а лишь умение организовать исполнение полученных указаний, что, безусловно, тоже является при наличии его у человека позитивным качеством, и определили «стиль» работы нового председателя.

Авторы авторитетной за рубежом объемной «Энциклопедии шпионажа» Норман Полмар и Томас Б. Аллен писали о новом Председателе КГБ следующее:

«Шелепин старался вернуть органам госбезопасности позиции, утраченные было с окончанием сталинской эпохи. Он уволил или понизил в должности многих высокопоставленных сотрудников КГБ, заменив их молодыми партийными и особенно комсомольскими работниками», то есть продолжил курс, определенный Н.С. Хрущевым.

Однако утверждение о том, что он «старался вернуть органам госбезопасности позиции, утраченные было с окончанием сталинской эпохи», представляется сомнительным в свете дальнейших событий.

В одном из интервью В.Е. Семичастный подчеркивал: «Со времен Шелепина органы слишком изменились в сторону либерализации. Резко сократили аппарат, упразднили почти всех уполномоченных по районам, кроме пограничных и портовых городов. Препятствиями уже не имели и на нее не претендовали... Хрущев и Политбюро держали органы на расстоянии, еще сказывались события, связанные с Берией. И мы сами не очень стремились вникать в такие дела, потому что понимали: наша задача другая... У Хрущева была навязчивая идея разлампасить и распогонить КГБ». То есть лишить сотрудников КГБ воинских званий, подчеркивавших *особый характер* государственной службы в органах госбезопасности СССР.

Даже сторонний наблюдатель, каковым, правда, являлся весьма информированный работник ЦК КПСС, отмечал, что «Хрущев низвел КГБ до уровня обычного министерства, его председатель А.Н. Шелепин не был даже кандидатом в члены Президиума ЦК, нередко выслушивал упреки «старших товарищей» по партии, которые он не мог профессионально грамотно парировать».

Как отмечали известные исследователи истории органов госбезопасности СССР А.И. Кокурин и Н.В. Петров, выполняя указания Хрущева, Шелепин провел серию кардинальных преобразований в КГБ в плане упрощения его структуры и сокращения численности сотрудников. Если при Серове у Председателя КГБ при СМ СССР было 6 заместителей, то летом 1959 г. в русле начатой Шелепиным «перестройки» он сократил их число до трех, произведя и кадровые замены.

Первым заместителем Председателя КГБ остался опытный чекист П.И. Ивашутин, двумя другими – стали председателем КГБ Белоруссии А.И. Перепелицын и заместитель заведующего Административным отделом ЦК КПСС В.С. Тикуннов, ранее не имевший отноше-

ния к работе в правоохранительных органах. (В.С. Тикунов в июле 1961 г. был назначен министром внутренних дел РСФСР.)

А.И. Перепелицын также был недостаточно опытным профессионалом, начав свою «чекистскую» карьеру в апреле 1954 г. сразу с должности заместителя Председателя КГБ при СМ Белорусской ССР.

Таким образом, основное повседневное руководство деятельностью оперативных подразделений КГБ объективно ложилось на П.И. Ивашутина.

Столь кардинальная замена руководства в ведомстве, вступившем в полосу очередного «реформирования», при замене опытных профессионалов недостаточно компетентными «варягами», вряд ли может считаться оптимальным решением.

А уже в апреле 1959 г. новый Председатель КГБ А.Н. Шелепин вновь предложил сократить штат оперативных работников в центре и на местах еще на 3200 единиц, а штат рабочих и служащих – на 8500 человек.

Нельзя также не отметить, что подобная затянувшаяся кампания «чисток» и сокращений не лучшим образом сказывалась как на результатах оперативно-следственной работы органов КГБ, так и на состоянии морально-психологического климата в чекистских коллективах, порождая у сотрудников чувства неуверенности, недооценки важности и нужности, общественно-политической значимости их работы по обеспечению безопасности государства и его граждан.

А.Н. Шелепин, писал о нем бывший заместитель начальника ПГУ КГБ В.А. Кирпиченко, по общему впечатлению сотрудников КГБ, чувствовал себя на посту председателя человеком временным и не пустил глубоких корней в Комитете, а его преемник В.Е. Семичастный еще далеко не сформировался как государственный деятель, в нем было больше комсомольского задора, чем политической мудрости.

* * *

На время нахождения Шелепина на посту Председателя КГБ СССР приходится побег 12 августа 1961 г., буквально за сутки до возведения знаменитой «Берлинской стены», спецагента МГБ – КГБ Б. Сташинского.

Ранее, в 1957 и 1959 годах, Сташинский ликвидировал в ФРГ руководителей Организации украинских националистов (ОУН) Л. Ребета и С. Бандеру. Ликвидация Бандеры 15 октября 1959 г. стала последней подобной акцией советских спецслужб.

За эти акции Б. Сташинский был награжден орденом Красного Знамени, который ему вручал лично Председатель КГБ А.Н. Шелепин.

Сташинский добровольно сдался полиции ФРГ, был приговорен к 8 годам тюрьмы, но впоследствии тайно освобожден, ввиду активного сотрудничества с западногерманской контрразведкой, – уже в 1966 г.

На открытом суде над Сташинским организатором убийств Ребета и Бандеры был признан А.Н. Шелепин, что стало причиной массовых антисоветских демонстраций во время его официального визита в Лондон в 1975 г. и поводом для его последующего увольнения с должности Председателя ВЦСПС и выведения из состава членов Политбюро ЦК КПСС.

Конечно, каждое разоблачение советских разведчиков на Западе порождало шумные пропагандистские кампании, в том числе связанные с высылкой представителей посольств СССР.

Но бывали на Западе «шпионские» скандалы и иного рода. Так, сотрудник британской службы безопасности П. Райт заявлял, что «советским шпионом» являлся начальник всемирно известной Сикрет интеллидженс сервис Роджер Холлис, возглавлявший МИ-5 с 1956 по 1965 год.

Как отмечал весьма информированный перебежчик из КГБ О. Гордиевский, заместитель директора ЦРУ Дж. Энглтон подозревал «в работе на Советы» начальника отдела социалистических стран Дэвида Мэрфи.

В конце 70-х годов группа сотрудников «Моссад» обвинила в сотрудничестве с КГБ Н.М. Леванона, более 30 лет возглавлявшего «Русский отдел» МИД Израиля и курировавшего все операции спецслужб этой страны на территории СССР (Леванон Нехемия Михайлович, 1913 г. рождения, до 1949 г. проживал в СССР, а в годы Великой Отечественной войны в звании капитана служил переводчиком в военной контрразведке СМЕРШ).

В то же время за рубежом работало немало разведчиков, обеспечивавших СССР секретной информацией о планах, намерениях и действиях США и разведывательных служб других государств.

Например, уже упоминавшийся Гордиевский свидетельствовал, что уже в 60-м году в созданном за шесть лет до этого Агентстве национальной безопасности (АНБ) США работали 4 агента КГБ.

6 сентября 1960 г. в Доме журналиста в Москве сотрудники Агентства национальной безопасности Б. Митчелл и У. Мартин провели открытую пресс-конференцию, на которой мир узнал как о самом существовании, структуре и задачах сверхсекретного АНБ, о котором не было известно даже в самих США, а также о том, что оно вело шпионаж даже за странами, считавшимися стратегическими союзниками Америки.

* * *

В связи с избранием А.Н. Шелепина Секретарем ЦК КПСС уже 13 ноября 1961 г. его на посту Председателя КГБ сменил его друг, бывший заместитель по работе в ЦК ВЛКСМ и протеже В.Е. Семичастный.

Владимир Ефимович Семичастный был моложе даже своего предшественника – всего 37 лет.

Как вспоминал сам Владимир Ефимович, недавний Председатель КГБ напутствовал его словами: «Это нелегкая работа, но ничего страшного в ней нет. Это политическая должность».

Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев был более многословен. В ответ на сомнение кандидата на должность в собственной профпригодности он заявил:

«Профессионалов там и так более чем достаточно. Но раз мы уже на них обожглись, они дров наломали столько... Нам нужны политики, люди, которые проводили бы в КГБ партийную линию: честные, добросовестные, на которых партия может полностью положиться и с которыми может быть уверена, что они не заведут ее в сложные лабиринты, как уже было раньше. Инструкций и конкретных советов давать не буду. Шелепин все вам скажет, знает дело лучше меня!»

Семичастный, как и Шелепин, оставил по себе, мягко выражаясь, не особо «добрую память» у сотрудников КГБ.

Семичастный информировал ЦК КПСС, что за период с 1954 по 1961 год из органов госбезопасности было уволено 46 тысяч офицеров. Взамен их пришли 10 тысяч новых сотрудников, без сомнения, с более высоким уровнем общего образования, но не имевших как специальной подготовки, так и опыта практической работы в правоохранительных органах.

При Семичастном, согласно известной поговорке о «новой метле», что отражает существующую практику «утверждения нового стиля руководства», произошел ряд изменений в руководстве Комитета.

Первым заместителем Председателя КГБ при СМ СССР остался П.И. Ивашутин, а в связи с назначением его 13 марта 1963 г. начальником ГРУ Генерального штаба Вооруженных Сил СССР его сменил Н.С. Захаров.

Сам же Николай Степанович Захаров заместителем Председателя КГБ был назначен 3 декабря 1961 г. с должности начальника 9-го управления (управления охраны партийно-государственного руководства страны).

Помимо А.И. Перепелицына, заместителями Председателя КГБ стали также С.Г. Банников и Л.И. Панкратов.

По свидетельствам современников, Семичастный ограничивался административной работой, не испытывал потребности ни в углублении специальных знаний, ни во внедрении научных достижений в организацию оперативно-служебной деятельности органов КГБ.

Речи его были проникнуты партийным пафосом бывшего комсомольского функционера и содержали тривиальные призывы и критические замечания. Многие функции фактического руководства КГБ непосредственно лежали на его заместителях.

В то же время мемуары Семичастного раскрывают механизм государственно-партийного руководства обеспечением государственной безопасности страны в тот период: ЦК КПСС, Политбюро и, прежде всего, первый секретарь Н.С. Хрущев «участвовали в разработке комплексных планов деятельности органов КГБ, в определении их места в советском обществе, в решении кадровых вопросов. Политбюро утверждало основные инструкции, положения, регулировавшие нашу работу, но в конкретные операции не посвящалось – информировалось по результатам.

Члены Политбюро знали ту часть нашей работы, которая выполнялась в соответствии с Конституцией СССР и решениями съездов партии.

Техника и технология исполнения этих задач, в том числе и нелегальными методами, осуществлялась аппаратами КГБ без их ведома.

Для первого секретаря не было секретов, но подлинных имен (источников информации. – О.Х.) мы не называли.

Принятие решений по повседневным оперативным вопросам возлагалось на меня, моих замов и в ряде случаев на начальников управлений. Хрущеву сообщалось лишь о самых принципиально важных вещах, которые могли бы серьезнейшим образом отразиться на политике страны».

Подчеркнем и то немаловажное обстоятельство, что бывший Председатель КГБ подчеркивал, что «во времена хрущевской «оттепели» американские стратеги начали предпринимать попытки перенести игру на территорию СССР, приступив к созданию «организованного движения сопротивления».

* * *

В годы пребывания В.Е. Семичастного на посту Председателя КГБ при СМ СССР в жизни этого ведомства и страны произошло немало знаковых событий.

Это и первый в истории обмен советского разведчика «полковника Абеля» (В.Г. Фишера) 10 февраля 1962 г. на американского летчика Ф.Г. Пауэрса. И побег в СССР «суперагента» советской разведки Кима Филби, последовавший за ним обмен разведчика-нелегала «Бена», освобождение из тюрьмы другого советского разведчика Джорджа Блейка, свидетельствующие об активной и результативной работе ПГУ КГБ.

Это о Вильгельме Генриховиче Фишере (Р.И. Абеле) бывший директор ЦРУ США Аллен Даллес писал: «Абель находился на своем посту 9 лет, пока не был арестован. И нет никаких оснований думать, что он не остался бы в США еще на протяжении многих лет, если бы один из его сотоварищей, тоже нелегальный агент советской разведки, не перешел

бы на нашу сторону». И добавлял: «Я хотел бы, чтобы мы имели таких трех-четырёх человек в Москве».

А через 2 года после освобождения Абея последовал обмен на осужденного в СССР британского агента советского разведчика-нелегала Гордона Лонсдейла (полковника К.Т. Молодого).

Но в то же время значительный урон деятельности КГБ нанес также побег в декабре 1961 г. сотрудника хельсинкской резидентуры ПГУ майора А. Голицына, передавшего ЦРУ немало ценной информации о деятельности советской разведки.

(Им, в частности, были сообщены данные на Филби, что сделало неизбежным его арест и вызванную этим вынужденную эвакуацию в СССР, а также о Ж. Паке, что привело впоследствии к его аресту.)

Может возникнуть вопрос: а морально ли писать о гражданах других государств, оказывавших в разные годы помощь советской разведке?

Нам кажется, что да, это морально оправдано и необходимо, тем более что о предателях из числа советских граждан написаны и переизданы десятки книг, выпущенных немалыми тиражами. Тогда как о подлинных героях тайной войны, спасавших мир не только на европейском континенте, известно гораздо меньше.

В этой мысли меня утверждает и известное заявление Мелиты Норвуд, сотрудничавшей с советской разведкой не одно десятилетие, начиная с конца 30-х годов.

11 сентября 1999 г., когда после публикации очередной книги одного из перебежчиков из КГБ журналисты атаковали 87-летнюю Норвуд вопросами, не сожалеет ли она о сотрудничестве с КГБ, она заявила:

«Я делала это не ради денег, а чтобы помешать уничтожить новую социальную систему, которая более справедлива, дает простым людям еду и средства, которые может позволить, дает образование и здравоохранение».

Следует отметить, что многими негласными помощниками советской разведки из числа граждан иностранных государств двигали как симпатии к идеям социализма, Советскому Союзу и другим государствам социалистического содружества, так и неприятие идеологии рах-америсана («мира по-американски»), отражавшей стремление правящих кругов США к мировому господству.

И оба эти морально-психологических фактора не утрачивали своего значения многие годы.

Болгарин Иван Винаров писал о помощниках советской разведки: «они помогали нам во имя того, что невозможно выразить в деньгах, что несоизмеримо с обычными ценностями, во имя того, что придает смысл самой жизни – во имя наших идей, а точнее, веры в то, что они помогают Советскому Союзу, прогрессу человечества и делу мира».

Не стоит сбрасывать со счетов и первого из названных нами факторов – симпатии к идеям социализма. Ведь, как бы ни казалось это парадоксальным сегодня, еще более двадцати лет назад один из ведущих идеологов антисоветизма и антикоммунизма откровенно признавал:

«Порожденный нетерпеливым идеализмом, отвергавшим несправедливость существующего порядка вещей, он (социализм, который автор цитируемого фрагмента, равно как и многие нынешние его последователи, именуется коммунизмом. – О.Х.) стремился к лучшему и более гуманному обществу. Он оптимистически отражал веру в мощь разума, способного создать совершенное общество.

Во имя морально мотивированной социальной инженерии он мобилизовал самые мощные чувства – любовь к человечеству и ненависть к угнетению... Более того, коммунизм исходил из представления, что грамотное, политически сознательное общество может осу-

ществлять контроль над общественной эволюцией, направляя социоэкономические перемены к заранее намеченным целям.

Так, чтобы история уже более не была бы просто спонтанным, преимущественно случайным процессом, но стала бы орудием коллективного разума человечества и служила бы моральным целям. Таким образом, коммунизм домогался слияния, посредством организованных действий, политической рациональности с общественной моралью».

Признаемся, что нами цитировалась книга бывшего помощника президента США по национальной безопасности профессора Збигнева Бжезинского, причем ее русскоязычное нью-йоркское издание.

* * *

Поскольку с именем Збигнева Бжезинского связаны многие страницы и годы противостояния США с СССР, представляется необходимым подробнее познакомить читателей с биографией этого «героя» тайного противоборства КГБ и ЦРУ.

Бжезинский Збигнев Казимир (1928 пр.), после эмиграции из Польши с 1938 г. проживал с семьей в Канаде. В 1953 г. окончил аспирантуру Гарвардского университета, а в 1958 г. получил гражданство США. В 1953–1956 гг. Бжезинский работал научным сотрудником Русского исследовательского центра при Гарвардском университете, а в 1953–1966 гг. – сотрудником Центра международных исследований при том же университете. В 1969–1977 гг. он – директор Института проблем коммунизма и эксперт Демократической партии США «по проблемам коммунизма и советского блока».

С 1966 г. Бжезинский – сотрудник отдела планирования Государственного департамента США, где выступает за более активную и «дифференцированную политику» в отношении стран Восточной Европы, нацеленную на «разрыхление советского блока» и ослабление влияния в нем СССР.

Полагают, что именно ему принадлежит авторство концепции «наведения мостов», ставшей основой внешнеполитического курса США в 70-е годы прошлого столетия.

В 1977–1981 годы Бжезинский был помощником президента США Дж. Картера по вопросам национальной безопасности. Он считал, что с 1972 г. соотношение сил в «холодной войне» стало меняться в пользу США, из чего делал вывод, что следует проводить более жесткую «наступательную» политику в отношении СССР.

Вследствие этого он стал главным инициатором провозглашенной Картером политико-пропагандистской кампании в «защиту прав человека», однако не увязывая ее с требованиями двух других – военно-стратегической и экономической – составляющих («корзин») Хельсинкских договоренностей 1975 г.

С 1981 г. Бжезинский вновь советник Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне.

После 1992 г. Бжезинский активно выступает в американской печати за «упрочение геополитического плюрализма» на территории бывшего СССР. Автор многочисленных научных работ, в том числе книги «План игры» (1986), в которой изложил стратегию анти-советского курса администрации США, направленного на ослабление и разрушение такого геополитического конкурента Америки, каким являлся Советский Союз.

Жаль, что это предельно откровенное сочинение Зб. Бжезинского, раскрывающего метод геополитического мышления американской правящей элиты, не было опубликовано в нашей стране.

* * *

В написанных через много лет после своей отставки, считавший себя «обиженным» недоверием генсека Л.И. Брежнева, бывший руководитель КГБ Семичастный поведал и еще об одном направлении зарубежного информационно-психологического влияния на руководство страны: «Западные спецслужбы специально вбрасывали слухи, способствовавшие раздуванию взаимной подозрительности среди партийных и государственных деятелей».

В частности, В.Е. Семичастный отмечал, что зарубежная пропаганда усиленно продвигала тезис о том, что «молодым реформаторам» в советском руководстве, под которыми понималось окружение А.Н. Шелепина, состоявшее из бывших ответственных комсомольских работников, и как более молодому, энергичному поколению, и как не связанному напрямую с ошибками и преступлениями сталинского периода истории страны, «ничего не стоит при помощи КГБ сместить Брежнева».

Как известно, подобная версия исторических событий нашла свое отражение в значительном числе и отечественных публикаций. В дальнейшем мы еще к ней вернемся, сейчас же подчеркнем еще и следующее важное обстоятельство.

Политическое и государственное руководство любой страны – и Советский Союз не составлял исключения в этом плане – является всегда объектом изучения и попыток воздействия на него в желательном для себя плане со стороны правительств и спецслужб недружественных государств. В этой связи Политбюро, как и ЦК КПСС в целом, являлось объектом пристального внимания и изучения разведок ведущих государств Западного блока.

Часть 4

КАРИБСКИЙ КРИЗИС. ОШИБКА ДАЛЛЕСА

Еще одним важным событием международной жизни периода руководства КГБ Семичастным является так называемый Карибский кризис осени 1962 г., ставший по своему значению и последствиям одним из важнейших мировых событий второй половины XX века.

Не вдаваясь в подробное изложение истории развития этого конфликта, по нашему мнению, имеющего во всемирной истории значение, фактически равное Второй мировой войне, остановимся только на роли советской разведки и контрразведки в этих событиях.

Тем более что даже в выпущенной в 2006 г. капитальной монографии «Анатомия Карибского кризиса», эта сторона конфликта не нашла, по сути дела, своего отражения. Хотя соответствующие документы и были известны ее автору С.А. Микояну.

Чем, в частности, объясняется игнорирование роли разведчиков Г.Н. Большакова и А.С. Феклисова в мирном разрешении конфликта? Ведь автор упоминает об их деятельности, но только при публикации рассекреченных американских документов, где речь идет об обсуждении представителями администрации США *предложений* советских разведчиков.

Может быть, причина подобной «невнимательности» скрыта в стремлении подчеркнуть «персональный вклад» в урегулирование конфликта члена Президиума ЦК КПСС А.И. Микояна, который, как известно, возглавлял советскую делегацию на переговорах в Вашингтоне?

А ведь история Карибского кризиса, помимо всего прочего, показала, в частности, несостоятельность упований американских стратегов на то, что возможности различных видов технических разведок могут гарантировать полную защищенность страны, что «традиционная» разведка и агентурные сведения по-прежнему играют важную роль в освещении и понимании содержания и сути происходящих в мире процессов.

Это вызвало как пересмотр сложившейся в США доктрины «тайной войны» против СССР, так и ответное изменение концепции и содержания контрразведывательной защиты государственных интересов СССР, хотя на ее эффективность продолжали влиять ранее отмеченные факторы, связанные с бездумным реформированием и сокращением органов КГБ СССР.

Карибский кризис, приблизивший человечество к грани термоядерной войны, и его последствия также заставили президента США Кеннеди пересмотреть концепцию «отбрасывания коммунизма», что привело к выработке в «мозговых центрах» США новой внешнеполитической доктрины «наведения мостов», стратегической целью которой являлось обеспечение «функционального проникновения в советскую систему». Причем на ее различных уровнях и в различные подсистемы: военную, политическую, разведывательную, научную, духовную и так далее.

А связанный с этими событиями фактический провал американской разведки в предкризисный период и продемонстрировал всю недостаточность имевшихся разведывательных возможностей США.

* * *

Общая канва тех давних событий хорошо известна: 14 октября 1962 г. самолеты разведки ВВС США обнаружили на «Острове свободы», как тогда именовалась Республика Куба, советские ракеты ПВО, по мнению американских военных, представлявшие реальную угрозу безопасности США. (О наличии уже в то время на Кубе советских баллистических

ракет с ядерными боеголовками и атомных бомбардировщиков разведке США известно не было.)

Американский президент Джон Ф. Кеннеди, обвиняя СССР в агрессивных намерениях, потребовал от Советского правительства вывода обнаруженных ракет, что положило начало оживленных дипломатических переговоров между Вашингтоном и Москвой.

Парадоксально, но факт, что и сегодня многие наши соотечественники оценивают эвакуацию советских ракет с Кубы как мнимые «проигрыш» и «унижение» СССР. При этом некоторые отечественные, да и зарубежные, исследователи говорят о якобы «односторонней вине СССР» в возникновении опасного международного кризиса, получившего в нашей стране название Карибского, в США – Ракетного, а на Кубе – Октябрьского.

Напомним, что к тому времени администрация США руководствовалась внешнеполитической стратегией «отбрасывания коммунизма», или «балансирования на грани войны», основой которой являлось военное, в том числе ядерное, превосходство США и угрозы применения вооруженной силы.

К 1962 г. США не только увеличили число своих военных баз по периметру границ СССР, но и развернули батареи стратегических ракет «Юпитер» в Турции и планировали их размещение в Японии и Италии, что было призвано сократить «подлетное время» для достижения целей на территории СССР, являющееся важной стратегической характеристикой ядерного сдерживания. При этом США обладали преимуществом в ядерных вооружениях против СССР в пропорции 17:1.

Подчеркнем и следующее важное, но практически неизвестное современникам обстоятельство. Опираясь на свое мнимое научно-техническое превосходство, США полагали, что отныне космические и иные технические средства разведки надежно гарантируют безопасность страны, и, в этой связи, решили сместить акцент в приоритетах разведывательной деятельности с агентурной разведки на техническую.

Из этой, оказавшейся впоследствии ложной посылки, между прочим, был сделан и достаточно сомнительный вывод о том, что в разведывательном противоборстве центр тяжести отныне также следует перенести с агентурной защиты государственных секретов на техническую, акцентировав основное внимание на противодействии техническим видам разведки противника.

За полтора года до начала событий, вошедших в историю под названием Карибского кризиса, в марте 1961 г., только вступивший в Белый дом президент США Джон Кеннеди санкционировал проведение операции по высадке десанта кубинских контрреволюционеров на Кубе, полный провал которой 17 апреля стал причиной отставки многолетнего директора ЦРУ Аллена Даллеса.

Но уже в августе того же года Кеннеди санкционировал подготовку новой тайной операции против Кубы под кодовым названием «Мангуста» с целью свержения правительства Фиделя Кастро при поддержке десанта «контрас» ВМС и армией США. Отметим при этом, что американской и международной общественности о подготовке и осуществлении плана «Мангуста» стало известно только в 1975 г. в процессе расследования деятельности ЦРУ США комиссией сенатора Черча.

Оперативный план «Мангуста» предусматривал:

– на первом этапе: август – сентябрь 1962 г. – подготовку и инспирирование антикастровского «повстанческого» движения на Кубе;

– на втором этапе: октябрь 1962 г. – организацию «народного восстания» при поддержке американских спецслужб и возможной высадке американского десанта на остров.

Подготовку кубинских «контрас» для высадки на Кубу осуществляло специальное подразделение ЦРУ «W» в Майами, насчитывавшее более 600 оперативных сотрудников этого ведомства, подготовивших более трех тысяч кубинских контрреволюционеров-наемников.

Антикастровские силы имели свыше 80 судов, которые неоднократно в октябре выходили в море и 17 ночей подряд ждали сообщения о «начале антикастровского восстания на острове», что должно было стать сигналом для начала высадки десанта «контрас».

С мая 1962 г. к подготовке заключительной фазы операции «Мангуста», о которой знали не только в Москве, но и в Гаване, был подключен Пентагон, готовивший планы интервенционистских действий против «Острова свободы».

23 августа 1962 г. Кеннеди приказал активизировать меры по «намеренному разжиганию полномасштабного восстания против Кастро». Что, помимо прочего, свидетельствует о полном фиаско американской разведки по получению объективной информации о происходящих на острове событиях, в частности, о развертывании здесь советского воинского контингента.

Отметим также, что лишь 16 октября, после обнаружения советских зенитных ракет на Кубе, президент США отказался от завершения оперативного плана «Мангуста».

* * *

Специально подчеркнем, что мы описывали деятельность США против Кубы на основании статьи «Mongoose» («Мангуста») в американской «Энциклопедии шпионажа» (М., 1999).

Обратим при этом внимание на следующие чрезвычайно важные обстоятельства. Авторы указанной энциклопедии Н. Полмер и Т.Б. Аллен, как и многие другие исследователи истории Карибского кризиса, сознательно разрывают событийно-хронологическую последовательность действительного развития конфликта, с тем чтобы вывести США из-под обвинений в создании этого опасного международного кризиса. Так, Полмер и Аллен говорят о том, что якобы операция «Мангуста» не влияла на принятие советским руководством решения об оказании военной помощи Республике Куба.

Однако уже в феврале 1962 г. советская разведка получила информацию о содержании плана «Мангуста» и реальных мерах по его реализации (некоторые сообщения зарубежных резидентур ПГУ КГБ СССР по этой проблеме опубликованы в приложении к пятому тому «Очерков истории российской внешней разведки»). Аналогичной информацией располагала и разведслужба Республики Куба.

Для кубинского, да и советского, руководства к маю 1962 г. сложилась ситуация, во многом аналогичная периоду перед началом Великой Отечественной войны – они знали об агрессивных планах и приготовлениях «западного соседа» и в этой связи должны были принимать соответствующие политические решения.

Именно в этой обстановке Совет Обороны СССР 18 мая 1962 г. принял решение об оказании военной помощи Кубе и развертывании на ее территории Группы советских войск (ГСВК) численностью в 51 тысячу военнослужащих – реальная же ее численность к концу сентября составила 41 тысячу человек.

В целом подобные «асимметричные» меры должны были изменить стратегическую расстановку сил на мировой арене, а о создании советской военной и военно-морской баз на Кубе планировалось объявить в ноябре того же года в ходе первого официального визита Н.С. Хрущева на Кубу.

Следует особо подчеркнуть, что подобная практика заключения секретных межгосударственных соглашений имела и имеет поныне широкое распространение в мире, и единственно, в чем можно упрекнуть советского лидера, – это в отступлении от официально провозглашавшегося «ленинского принципа» отказа от тайных договоров.

В то же время эта мера в конкретных условиях обстановки была абсолютно оправдана с военной и политической точек зрения и не противоречила нормам и принципам международного права.

Несмотря на разветвленную разведывательную сеть, в том числе и на Кубе, наличие здесь американской военной базы в Гуантанамо, дальние морские коммуникации, вовлечение в подготовку транспортных караванов десятков тысяч военнослужащих и гражданских специалистов, десятков судов, американская разведка просмотрела переброску многотысячного воинского контингента и средств вооружения, включая ракетные комплексы, бомбардировочную и истребительную авиацию и ядерные боезапасы, причем только 24 из них к моменту начала «горячей фазы» конфликта оставались неразгруженными.

Первые эшелоны советских войск прибыли на Кубу 26 июля и приступили к оборудованию стартовых позиций ракет и военных городков.

При этом, как уже отмечалось, 22 августа – когда советские войска уже приступили к строительству стартовых позиций на Кубе – Кеннеди санкционировал активизацию военных приготовлений по плану «Мангуста», а 21 сентября по просьбе Р. Макнамары утвердил активизацию разведывательных полетов самолетов У-2 над Кубой.

При этом к 19 сентября Кеннеди получил 4 сводки оценок национальной разведки – главный информационный документ разведсообщества США для президента и других высших должностных лиц администрации, – в которых ничего не говорилось о присутствии советских войск на Кубе или об угрозах безопасности США со стороны СССР и Кубы.

* * *

16 октября 1962 г. специалисты авиаразведки США уверенно дешифровали на полученных аэрофотоснимках стартовые позиции батарей ПВО, о чем в тот же день было доложено президенту. В этой связи только 17 октября было совершено 6 разведывательных полетов авиации США над Кубой. А всего с 4 октября по 8 ноября были зафиксированы 124 разведывательных полета самолетов США, некоторые из которых совершались на сверхмалой высоте – 100–300 метров.

В тот же день, 16 октября, в Овальном кабинете Белого дома в Вашингтоне собралось заседание кризисного штаба в составе вице-президента Л. Джонсона, госсекретаря Д. Раска, министров обороны Р. Макнамары и министра юстиции Р. Кеннеди, директора ЦРУ Д. Маккоуна.

«Все были в шоке, – вспоминал об этом заседании его участник министр юстиции Роберт Кеннеди. – Такого поворота событий никто не ждал. Да, Хрущев обманул нас, но мы и сами себя обманули...».

Это был крупнейший провал американской разведки – не только ЦРУ, но и Разведывательного управления министерства обороны (РУМО), Агентства национальной безопасности (АНБ), разведок видов вооруженных сил – ВВС и ВМС, призванных выявлять существующие и возникающие угрозы безопасности США.

В обращении к нации 22 октября Джон Кеннеди заявил об установлении морской блокады с целью «остановить процесс размещения советских ракет на Кубе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.